

Елена Островская

Перевод и канон:

«АНТОЛОГИЯ НОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ»

(1937)¹

Elena Ostrovskaya

Translation and Canon: *Antologiya novoy angliiskoy poezii* (1937)

Елена Островская (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), доцент школы филологических наук факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук) esostrovskaya@hse.ru.

Elena Ostrovskaya (PhD; Associate Professor, School of Philological Studies, HSE University) esostrovskaya@hse.ru.

Ключевые слова: перевод в СССР, канон, «Антология новой английской поэзии», Д.С. Мирский, Киплинг, Элиот, Оден

Key words: translation in the USSR, canon, *Antologiya novoy angliiskoy poezii*, Kipling, D.S. Mirskij, T.S. Eliot, Auden

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_162

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_162

В статье рассматривается «Антология новой английской поэзии» (1937) с точки зрения механизмов канонизации британской поэзии и в контексте истории перевода. Обсуждаются три разных механизма формирования канона: поэта, популярного в СССР (Киплинг), поэтов, составляющих ядро канона британской поэзии (модернистов), и поэтов, усилия по канонизации которых предпринимались в 1930-е годы в СССР (левых поэтов).

The paper discusses an anthology of modern English poetry *Antologiya novoy angliiskoy poezii* (1937) as a vehicle of canon-formation and in the context of the history of translation in the USSR in the 1930s. It discusses three different cases in this respect: a poet who was very popular in the USSR in the 1930s (Kipling), the poets who make the core of the canon of British poetry of the time (modernists), and the poets, whose canonization was attempted in the USSR at the time (left-wing poets).

Знаменитое эссе Иосифа Бродского «Поклониться тени» начинается с описания обстоятельств знакомства поэта с произведениями У.Х. Одена:

Впервые я прочел Одена лет двадцать назад в России в довольно вялых и безжизненных переводах, которые нашел в антологии современной английской поэзии с подзаголовком «От Браунинга до наших дней». «Нашими» — были дни 1937 года, когда этот том был издан. Нет нужды говорить, что почти все его переводчики вместе с его редактором М. Гутнером вскоре после этого были арестованы и многие из них погибли. Нет нужды говорить, что в следующие сорок лет никакой другой антологии современной английской поэзии в России не издавалось, и упомянутый том стал чем-то вроде библиографической редкости [Бродский 2001: 258].

В пронзительном и одновременно провокативном высказывании поэта сконцентрированы и проблематизированы история и миф «Антологии новой англ-

1 Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 18-01-0070 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018—2019 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

лийской поэзии». Эта книга вошла в историю советской культуры как символ разрыва: в соответствии с символическим годом выпуска — 1937-м — она больше известна как веха в утрированной Бродским трагической биографии составителя и переводчиков. Она оказалась не первой советской антологией современной британской поэзии, а последней перед библейскими сорока годами ожидания: следующая антология английской (не современной!) поэзии была подготовлена А.И. Старцевым уже в 1942 году, но так и не вышла.

Драматизм обстоятельств появления книги нашел в ней зримое символическое воплощение — имена двух переводчиков, Ивана Лихачева и Валентина Стенича, бесследно исчезли с ее страниц, и рядом с подписанными переводами их тексты демонстрируют значимое зияние. А имя составителя, князя Святополк-Мирского, в советской печати публиковавшегося под именем Дмитрий Мирский, было заменено другим — Михаила Гутнера, одного из переводчиков «Антологии», молодого филолога-германиста и литературного критика. (Бродский, видимо, нечаянно контаминировал судьбу Гутнера, умершего в 1942 году от последствий лишений в блокаде Ленинграда, и Мирского, погибшего в лагере в июне 1939 года.) Трагические обстоятельства не в меньшей степени, чем отсутствие другой антологии английской поэзии и весьма скромный по тем временам тираж 5300 экземпляров определили не канонический, но скорее культовый статус книги. (Ср.: «...двадцать лет спустя после выхода в свет “Антология” высоко ценилась в кругу ленинградских поэтов. <...> ...в 1963 г. ее подарил на день рождения И. Бродскому М.Б. Мейлах» [Коростелев, Ефимов 2014: 527].)

Символическая ценность книги, как правило, заслоняет весьма отчетливые противоречия в оценке ее содержания, скептически охарактеризованного Бродским («вялые и безжизненные переводы»), но удостоившего многих почти восторженных отзывов. Так, биограф Мирского Джеральд Смит в разных работах описывает «Антологию» при помощи формулы, почерпнутой им у Леонида Черткова: Мирский собрал «команду превосходных переводчиков» [Smith 2000: 253]². Не менее высоко оценивает переводчиков и Евгений Витковский, републиковавший ряд переводов на сайте проекта «Век перевода» и тем открывший их широкому кругу читателей [Витковский б.г.].

Упоминания «Антологии» в научном контексте сосредоточены в научных работах, посвященных Мирскому [Ефимов 2021; Ефимов, Смит 2021; Коростелев, Ефимов 2014; Перхин 1996; Smith 1995; 1996a; 2000] и переводу и рецепции отдельных поэтов — Элиота [Ушакова 2016], Йейтса [Кийз 2009], Лоуренса [Reinhold 2007], Одена [Ostrovskaya 2018; 2022] и т.д. Окончательная атрибуция Мирского в качестве составителя и отдельные аспекты ее истории обсуждались Дж. Смитом при публикации его писем к Полонской и Голтон, однако ни состав книги, ни место в формировании советского канона зарубежной литературы и перевода никогда не становились самостоятельным объектом научной рефлексии. В рамках этой статьи нас будет интересовать ее роль в формировании канона «новой» британской поэзии, что неизбежно ставит нас перед вопросом, как мыслился этот канон различными участниками ли-

2 «...brought together a splendid team of translators». Ср. у Черткова: «Il se montre à cette occasion un parfait organisateur, parvenant à réunir une équipe de traducteurs excellents, dont quelques poètes (il regrettera de ne pas compter parmi eux Axmatova)» [Smith 1995: 493].

тературного процесса в СССР 1930-х годов, что он собой представлял на тот момент и какие из текстов «Антологии» вошли в канон впоследствии. В соответствии с поставленными вопросами в статье будут рассмотрены три случая, отражающие разные статусы «каноничности» и разные стратегии «канонизации»: культовый автор 1930-х годов (Киплинг), поэты, вошедшие в мировой канон британской поэзии (модернисты), и поэты, которых помещала в канон советская критика 1930-х (левые поэты). В ходе анализа будут рассматриваться механизмы канонизации как стратегия составителя «Антологии» и как явление перевода и будут обсуждаться разные участники этого процесса, как люди, так и институции. Здесь автор отчасти следует в русле *translation studies*, в частности за работами Сусанны Витт, которая акцентирует роль институции в истории литературного перевода в СССР и описывает его как поле действия различных агентов литературы, как институциональных, так и индивидуальных, с учетом того, что действия различных агентов в этом поле зачастую довольно тесно переплетены [Witt 2011: 154].

«Антология новой английской поэзии»: история и канон

История «Антологии» начинается с 1935 года, когда она была внесена в издательский план ленинградской секции Гослитиздата на 1936 год, в плане значится: «Антология новой английской поэзии» (ред. Мирского) (дог. срок 1.04.36)»³. На основании переписки Мирского работу над «Антологией» удастся датировать между августом 1935 года (22 августа речь о ней впервые заходит в письме поэту и переводчице Елизавете Полонской [Перхин 1996; Smith 1995]) и ноябрем 1936 года. (Письмо В. Ставскому, литературному функционеру, тогдашнему секретарю Союза писателей СССР, датировано 28 октября, но работа еще не была завершена: «Я заканчиваю редактирование Антологии современной английской поэзии для ленинградского Гослитиздата. Дело это подходит к концу, но задерживается из-за переводчиков» (цит. по: [Перхин 1996: 252; Smith 2000: 287]); во втором письме Полонской, от 17 июля 1936 года, упоминается, что сдача книги отложена до 1 ноября [Smith 1995: 495]). Была ли книга сдана именно 1 ноября, неизвестно, но, согласно выходным данным, она была отправлена в печать 14 декабря 1936 года, а подписана к печати почти через год, 21 ноября 1937-го. В промежутке между этими датами и были арестованы Мирский (3 июня), Лихачев (26 октября) и Стенич (14 ноября 1937 года).

О самом процессе работы над книгой известно не так много, но скорее удивительно, что такие данные имеются. В недатированном письме Дороти Голтон, основной британской корреспондентке Мирского, пересылавшей ему из Англии необходимые книги и многое другое [Smith 1996a] (дата реконструирована публикатором Дж. Смитом как август 1935 года, вероятно, на основании первого письма Полонской), критик просит прислать книги, так как «здесь»

---

3 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 72. Любопытно, что имя Мирского здесь оказалось по счастливой случайности, так как имена редакторов присутствуют только в плане ленинградской секции.

ничего нет⁴, и большую часть переписки составляют длинные списки книг и отчеты по тому, что из запрошенного и отправленного было получено. Таким образом проясняется не только происхождение, но и круг источников для переводов. Помимо прочего, Мирский просил подписать его на несколько литературных журналов — поэтических и леворадикальных, и, по-видимому, это удалось, так как в подборку У.Х. Одена он включил стихотворение «The Dream», впервые опубликованное в мае 1936 года в журнале «New Verse».

Письма Елизавете Полонской — редкий пример взаимодействия Мирского-редактора с переводчиком: в них в основном обсуждаются технические вопросы (приглашение к участию, предложение конкретных авторов и текстов, сроки), но есть и разбор собственно переводов. В первом письме, от 22 августа 1935 года, Мирский подробно разбирает три ее перевода из Киплинга, опубликованные в «Знамени», и прочит им, прежде всего «Балладе о Востоке и Западе», блестящее будущее, в том числе и в составе антологии. Однако в итоге переводы Полонской из Киплинга в книгу не вошли, в отличие от специально заказанных ей трех других переводов, из Роберта Браунинга, Кристины Росетти и Эрнеста Даусона⁵.

Хотя своим существованием «Антология» обязана Гослитиздату, гораздо больше известности ей принесло вмешательство другой институции — цензуры, чьими стараниями лакуны и ложная идентичность стали неотъемлемой частью истории книги⁶. Знание о подлинной личности составителя и редактора Святополк-Мирского, по-видимому, существовало на протяжении нескольких десятилетий как минимум в ленинградских литературных кругах, отчасти благодаря случайно образовавшимся впоследствии семейным связям Михаила Гутнера с семейством Жирмунских (у Бродского в «Диалогах» Соломона Волкова: «первый муж... второй жены Жирмунского, Нины Александровны») [Волков 2000: 139]), отчасти благодаря рассказам других участников издания, переживших войну и большой террор, таких как Иван Лихачев и Михаил Зенкевич⁷. Однако окончательно оно стало публичным в 1990-е годы, когда Дж. Смит и В. Перхин опубликовали в соответственно британских и русских журналах переписку Мирского с Голтон [Smith 1996a], — В. Ставским [Перхин 1996] и Полонской [Там же; Smith 1995].

Атрибуция неподписанных текстов тоже оказалась нелинейным и затяжным процессом. Ивану Лихачеву посчастливилось вернуться из лагерей, и он сам идентифицировал свои переводы из Хопкинса. Переводы двух стихотворений из Лоуренса («Набережной ночью, до войны» и «Змеи»), заимствованные из «Антологии», атрибутированы Стеничу в антологии «Английская поэзия в русских переводах. XX век» 1984 года [Антология 1984: 205, 211]. Спустя

4 Ср.: «About books: I am compiling an anthology of Modern English poetry in translation into Russian & there is practically nothing, either in my own possession or in the public libraries» [Smith 1996a: 114].

5 См. об этом чуть более подробно в статье Ефимова о докладе Мирского 1936 года: [Ефимов 2021]. Там же представлено несколько иное изложение истории составления «Антологии».

6 Вероятно, более яркий пример этой работы цензуры — издание «Дублинцев» в переводе Первого переводческого объединения, в котором вообще не упоминаются ни имена переводчиков, ни автор вступительной статьи [Гениева 2007].

7 На слова Зенкевича о редакторе «Антологии» ссылается Витковский, впрочем, тут же выражая ему недоверие [Витковский 1998].

шестнадцать лет Дж. Смит в биографии Мирского, восхищаясь качеством переводов, высказывает осторожную догадку, что неподписанные переводы из Лоуренса могли быть выполнены самим составителем «Антологии» («заманчиво думать, что эти исключительно точные и чувствительные версии [переводов] на самом деле принадлежат самому Мирскому» [Smith 2000: 253–254]), хотя в другом месте той же работы ссылается на антологию 1984 года⁸, а спустя еще четырнадцать лет ее цитируют комментаторы предисловия к антологии [Коростелев, Ефимов 2014: 527], и в новейшей статье Ефимова воспроизводится атрибуция Смита [Ефимов 2021: 616].

Культ и канон: Редьярд Киплинг

Несмотря на сложности с сообщением и отсутствие посреднической институции вроде антологии, был британский поэт, чье творчество можно назвать культовым в СССР 1930-х годов, — это Редьярд Киплинг. Проза «гениального англосакса» [Чуковский 1909] пользовалась огромной популярностью у русской читательской аудитории еще в 1900-е годы, а стихи переводились с конца XIX века, но по-настоящему заинтересовали публику после выхода в 1922 году первого сборника стихов Киплинга в переводе Ады Оношкович-Яцыны, на тот момент студентки мастерской Лозинского и Гумилева. В последующие десять лет в различных журналах регулярно выходили новые переводы, а в 1934 году с трибуны Первого съезда советских писателей Александр Прокофьев посетовал, что так и нет «полного перевода» (sic!) стихов Киплинга, который оказал «громадное влияние» на советских поэтов [Прокофьев 1934: 570], и в 1936 году, в год смерти поэта, в СССР вышли «Избранные стихи» — «книга, побившая все рекорды обхода советской цензуры» [Витковский 1998: 12], с переводами не только скончавшейся в предыдущем 1935 году Оношкович-Яцыны, но и Геннадия Фиша, Михаила Фромана, Михаила Гутнера, Елизаветы Полонской и других. Книга вышла под редакцией Валентина Стенича с одиозной вступительной статьей Рашели Миллер-Будницкой, провозглашавшей Киплинга «политическим поэтом британского империализма» [Миллер-Будницкая 1936: 3].

Популярность Киплинга у советского читателя и особенно литераторов в 1920—1930-е годы действительно трудно переоценить. Помимо самого Прокофьева и упомянутого им в выступлении Сельвинского можно назвать Николая Тихонова, Константина Симонова, Владимира Луговского и других⁹. В афористической формулировке Евгения Витковского «сам тон советской (и... анти-советской) поэзии, как говорят недоброжелатели, “мускулистый” ее стиль — от Киплинга и Гумилева» [Витковский 1998: 12]. Мирский в московской жизни тесно общался с кругами литераторов, увлеченных Киплингом, достаточно вспомнить его дружбу с Эдуардом Багрицким, которого Георгий Мунблит вспо-

8 «[I]t is tempting to think that these exceptionally accurate and sensitive versions are in fact by Mirsky himself». Ср. также эвристическую атрибуцию переводов Стеничу на основании сопоставления текстов двух антологий в еще более поздней работе Н.А. Рейнгольд: [Reinhold 2007: 189].

9 Ср. мемуарную подборку «Прожито», где имя Киплинга всплывает в текстах Лукницкого (упоминается диалог с участием Ахматовой), Елены Сергеевны Булгаковой, Михаила Кульчицкого, Давида Самойлова, Георгия Эфрона и др. О рецепции Киплинга в СССР см.: [Витковский 1998; Hodgson 1998] и др.

минал выразительно читавшим «Балладу о Востоке и Западе» в переводе Полонской (см.: [Мунблит 1968]). Сам он, однако, не разделял этого увлечения.

В предисловии к «Антологии» он вслед за Миллер-Будницкой именуется поэта «бардом» «империалистической Англии» [Мирский 1937: 14]. Сама подборка среди крупных в книге, 8 стихотворений и 21 страница, но не очень репрезентативна для столь популярного автора. Все переводы заимствованы из «Избранных стихов», то есть не заказывались специально. При этом в отборе стихов составитель принципиально расходится с советским читателем: в книге нет ни «Пыли» Оношкович-Яцыны, ни «Баллады о Востоке и Западе» Полонской, ни «Заповеди» Лозинского.

Выбор лапидарно поясняется в предисловии: поэзия Киплинга «представляет ценность лишь там, где... он создает замечательные образы “людей действия”» [Там же: 15], но подлинным ключом к подборке может служить статья Мирского о Киплинге в журнале «Знамя» 1935 года, эксплицирующая те же принципы более подробно. Она начинается с загадки популярности поэта в СССР:

В литературных кругах Советского Союза Киплинг оценивается гораздо выше, чем в литературных кругах своей собственной страны. <...> У нас его высоко ценят многие из лучших наших поэтов, и переводы из Киплинга почти так же характерны для некоторой части советской поэзии, как переводы из Гейне и Беранже для шестидесятых годов, переводы из Верхарна для символистов и переводы из Эредиа — для их эпигонов» [Мирский 1935: 242].

Интерес советских литераторов критик объясняет «отсутствием потуг в потугосторонее, известной мужественностью, прямоотой и тягой к некоторому, хотя и ограниченному, реализму», а также «потребностью достойного врага» [Там же], которая побуждает идеализировать реального Киплинга.

Статья в «Знамени» примечательна тем, что в ней Мирский помимо весьма подробного анализа творчества британского поэта и ряда его русских переводов фактически намечает подборку в антологии. «Квинтэссенцией» всей поэзии Киплинга и «ключом к его основной теме» он называет «Галерного раба», который и открывает подборку. «Мандалей», и «Томлинсон», и «Данни Дивер» принадлежат к тому же первому периоду творчества Киплинга, до Англо-бурской войны, который единственный и представляет ценность, и приводятся как пример удачных. Особо Мирский выделяет «Сапоги» («Boots»), которые звучат «почти “по-ремарковски”» [Там же: 251], известные как «Пыль» в переводе Оношкович-Яцыны, однако, по-видимому, оригинальное решение переводчицы настолько его не устраивает, что он его даже не упоминает, а приводит пространную цитату в оригинале и своем прозаическом переводе [Там же]. Прочие удачи — «Баллада о Востоке и Западе», «Мери Глостер», «Стих о трех котиколовах» (в «Антологию» вошла только «Мери Глостер»).

Поздний Киплинг, по Мирскому, «бард империализма» и «автор нравоучительных стихотворений и религиозных гимнов», представлен в статье единственным стихотворением — «Если—» («If—»), отрекомендованным как «заповеди цепкости, выносливости и хладнокровия, которыми империализм заменил для своих слуг старые заповеди буржуазной честности» [Там же: 246]. Его критик цитирует в известном переводе Лозинского («Заповедь»), отмечая незначительные неточности и практически не комментируя: по-видимому, лживость и неприемлемость пафоса стихотворения ему представлялась на-

столько самоочевидной, что не нуждалась в дополнительной экспликации, как и отсутствие «Заповеди» в «Антологии».

Весьма заметное место в статье уделено переводу — и практике, которая «характерна» для некоторой части советских поэтов, и анализу конкретных переводов. Наиболее подробно разбираются те же три перевода Елизаветы Полонской, что и в упомянутом выше письме переводчице, ставшим своеобразным черновиком к этой части статьи. Любопытно, что в письме он заметно менее критичен и более комплиментарен: «Ваши переводы в общем, несомненно, прекрасны, и им суждены частые перепечатки. В частности, они, несомненно, войдут в “Антологию совр[еменной] англ[ийской] поэзии” Ленгослитиздата, которую я должен редактировать» (цит. по: [Smith 1995: 495—498]). В статье общий тон весьма благожелателен: «Удачно передав в своих вообще талантливых переводах сложную лирическую строфу Киплинга, Полонская не передала его солдатской лексики, очень обеднив этим выразительные средства подлинника» [Мирский 1935: 250], — но в примечаниях скрупулезно перечисляется ряд ошибок разного рода. Так же выглядит и упоминание «Баллады о Востоке и Западе»: хвалебный отзыв в тексте и недостатки в примечаниях. В итоге и этот текст не вошел в книгу¹⁰.

В киплинговской подборке и статье отразились ключевые установки Мирского — составителя «Антологии». В формировании подборки он явно руководствовался критериями эстетической ценности, а не популярности, причем парадоксальным образом язык марксистской критики, усвоившей терминологию позитивистского эволюционизма, здесь явно пересекается с языком канона и антологии (ср. категории ценности в контексте разговора об антологическом каноне у Барбары Смит и вслед за ней у Лоуренса Венути [Smith 1991; Venuti 2008]). Применительно к переводам ценность подвергается отдельной рефлексии, и в этом смысле показателен явный зазор при формулировании позиции в статье и письме Полонской. Если в письме Мирский, по-видимому, оценивает литературные достоинства перевода, то в статье он руководствуется соображениями точности, приводя, где считает необходимым, свой вариант для уточнения («If») или вовсе заменяя поэтический перевод подстрочником («Boots»). По-видимому, точностью он руководствовался и при выборе текстов для антологии¹¹. В этом смысле существенно, что подборка составлялась из уже готовых переводов, которые не заказывались специально для «Антологии», а выбирались из текстов «Избранных стихотворений», иными словами антология оказывалась механизмом собственно канонизации, то есть отбора и сохранения, а не создания текстов. Однако формирование канона поэзии Киплинга пошло совсем по другому руслу, с другими ценностными установками и осуществлялось поэтами, а не составителями антологий.

10 Дж. Смит обсуждает письма Полонской в контексте статьи и подборки «Антологии», но в несколько иной перспективе [Smith 1995: 494].

11 Более развернутое и известное высказывание Мирского о переводе — внутренняя рецензия на перевод «Дон Жуана» Михаила Кузмина — обличает «точность» как ошибочный и опасный путь в переводе (см.: [Богомолов 2013: 83—85]). Однако здесь Мирский называет точностью то же, что на языке времени клеймилось как «буквализм», и этот терминологический и идеологический спор лежит за пределами данной статьи.

Ускользящее ядро канона: британский модернизм и переводчик-невидимка

С точки зрения европейской литературной критики и позднейших историй литературы центром канона британской поэзии первой трети XX века были, конечно, поэты-модернисты, и включение их в антологию представляло серьезную задачу как идеологического сопровождения, так и собственно формирования подборки. Хотя в середине 1920-х годов в СССР начали активно читать и переводить модернистов, переводили в основном прозу, а не стихи: Джойса, Лоуренса и других (см.: [Reinhold 2007; Tall 2009]). В середине 1930-х годов ситуация изменилась: модернизм стал синонимом безжизненного формализма, и с трибуны Первого съезда Союза советских писателей Карл Радек уподобил творчество Джеймса Джойса навозу, что, однако, вызвало оживленную дискуссию и не помешало двум параллельным попыткам русского перевода «Улисса». В «Антологию» Мирский включает всех тех поэтов, которых обличают идеологи, знакомые с английской литературой, в том числе и он сам: Т.С. Элиота, У.Б. Йейтса, Д.Х. Лоуренса, Дж. Джойса, Дж.М. Хопкинса.

Как известно, эволюция критических высказываний Мирского о Джойсе — от характеристики его как писателя, которому не было равных, «может быть, со времени Шекспира», к разоблачительному пафосу его статей советского периода — довольно ярко демонстрируют идеологические и эстетические метаморфозы «красного князя» [Cognwell 1992: 90—91; 94—100]. Не менее впечатляющи высказывания Мирского об Элиоте, с которым у него были личные отношения и которого он считал крупнейшим европейским поэтом (см.: [Казнина 2007: 532; Ушакова 2016: 266; Флейшман 2006: 669]). От вступительной статьи и биографических заметок читатель ожидает всей мощи обличения с позиций советской критики и жесткого противопоставления модернизма реализму, однако составитель почти с равной силой громит империализм и капитализм всех британских поэтов. В описании Т.С. Элиота обвинения в желании «опорочить всю человеческую культуру» соседствуют с почти восхищенным «для него перед лицом неминуемой гибели капиталистического мира все отступает на задний план, в его поэзии появляются какие-то устойчивые трагические символы» [Мирский 1937: 20—21]. Йейтс («Ейтс» в орфографии антологии) изображается в контексте ирландского возрождения, и «налет язычества» на его поэзии объясняется «борьбой с узкой буржуазной моралью» [Там же: 13]. Для Лоуренса (Лоренса), как и Элиота, «характерно необычайно сильное ощущение гибели своего класса, и... в их творчестве — настоящие отходные гибнущей культуре капитализма» и влияние фрейдизма, которое «особенно дает себя знать» [Там же: 19]. Дж.М. Хопкинс удостоился только биографической заметки и не попал в обобщающую вступительную статью: его Мирский, похоже, действительно ставил невысоко.

Самый любопытный вопрос тут — как разделить парадоксалистский эстетико-идеологический взгляд на английскую литературу «товарища князя», мыслившего себя как «работника ленинизма» [Ефимов 2014: 205], его представления об идеологическом заказе и собственно требования цензуры. Парадоксальным образом наиболее эксплицитно ценность модернистов сформулирована им в той же статье о Киплинге, который, по мысли Мирского, неизбежно эстетически уступает модернистам по классовым причинам:

Даже в пределах ущербной литературы эпохи империализма Киплинг не идет ни в какое сравнение с такими большими, уродливыми и узкими, но все же гигантами, как Пруст или Джойс. Даже в пределах безусловно упадочной буржуазной поэзии современной Англии Киплинг — поэт гораздо меньшего калибра, чем Т.С. Элиот или Лоренс.

Империалистическая буржуазия породила замечательную, в известном смысле гениальную, литературу бессилия и болезни. Литература ее активности и «здоровья» даже в самом крупном своем представителе, каким является Киплинг, не поднимается выше «хорошего среднего» уровня [Мирский 1937: 243].

Трудно сказать, насколько классовый анализ эстетической значимости — искреннее построение марксиста-парадоксалиста или изощренная логика, позволяющая включить в канон принадлежащих ему по праву, но отвергаемых советским истеблишментом авторов, но подборки этих поэтов стали первыми русскими переводами, занявшими место в истории уже на этом основании, и через сорок лет послужившими основой подборок британских модернистов в антологиях «Западноевропейская поэзия XX века» (1977; см.: [Кийз 2009: 312]) и «Английская поэзия в русских переводах. XX век» (1984). За исключением Джойса, это довольно внушительные по меркам антологии подборки по 10—15 страниц вполне канонических текстов каждого из авторов. У Элиота, например, это отрывки из «Бесплодной земли» и «Полых людей», «Любовная песнь Альфреда Пруфрока» и «Гиппопотам», которого Мирский приводит в статье об Элиоте 1933 года в качестве примера «кощунственной» сатиры [Мирский 1933: 216—217].

Переводы из этих поэтов пришлось заказывать и, таким образом, выбор мотивировался не качеством существующего перевода, а, вероятно, оценкой таланта переводчика. По крайней мере, в основном тут представлены довольно известные имена, «une équipe de traducteurs excellents, dont quelques poètes», по Черткову: Сусанна Мар, Михаил Зенкевич, Иван Кашкин. Здесь находятся и переводы Лихачева и Стенича¹² с вымаранными цензурой именами переводчиков. Из четырех указанных подборок у Лоуренса переводчик (Стенич) не указан вовсе, у Хопкинса два первых стихотворения приведены в двух вариантах, подписанном и анонимном (Лихачев), и по одному анонимному переводу имеется в подборках Элиота и Йейтса. Любопытно, что два стихотворения Хопкинса, «Свинцовое эхо» и «Весна и осень», как и «Гиппопотам» Элиота, приводятся в двух вариантах, и о мотивах этого решения пока остается только догадываться.

Левые британские поэты: попытка канонизации. У.Х. Оден, «оксфордская школа» и другие

Советский «антологический импульс» середины 1930-х годов был частью масштабного проекта по формированию канона мировой литературы с центром в виде советской литературы (ср.: [Safiullina 2012]), непосредственным импульсом к которому стал знаменитый доклад Радека на Первом съезде советских

---

12 Появление Стенича в этой части «Антологии» не случайно: для Мирского он был в первую очередь переводчиком Джойса (ср. в письме Голтон: [Smith 1996a: 116]).

писателей «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства». Очевидно, что в этом контексте ядром «новой» английской поэзии должна была стать коммунистическая или, шире, левая поэзия, готовая сплотиться вокруг Москвы. Разумеется, контакты с дружественными зарубежными писателями СССР устанавливал еще с 1920-х годов, но так получилось, что с Великобританией дело шло медленнее, чем с Америкой. Поэтому к середине 1930-х годов в СССР не сложилось круга канонизированных британских поэтов.

К группе левых поэтов относятся десять последних имен антологии: среди них выделяется «оксфордская группа» (Оден, Дэй Льюис, Спендер, Макнис), а остальные — отдельные представители довольно широкой левой прослойки британских литераторов: Джон Леман, поэт, критик, основатель журнала «New Writing», активно сотрудничавший с журналом «Интернациональная литература»; Хью Макдиармид, шотландский поэт и видный деятель шотландского возрождения, все 1930-е годы колебавшийся между шотландским национализмом и коммунизмом, личный знакомый и большой поклонник Мирского [MacKay 2004; Smith 1996b]¹³; Сильвия Таунсенд (Таунзенд) Уорнер, прозаик, поэт и давний друг СССР, и другие.

С 1934 года, после упоминания в выступлении Радека, Оден и поэты «оксфордской группы» начали эпизодически появляться в советской печати: они активно публиковались и не менее активно участвовали в политической жизни, что прекрасно укладывалось в формат хроник литературной жизни, популярных тогда в советских газетах и журналах (Оден, например, успел съездить на две ключевых войны 1930-х годов, в Испанию и Китай). В том же году Мирский опубликовал в журнале «Интернациональная литература» статью «Английская литература и капитализм», которая в финале подводила читателя к появлению левой поэзии: «За последние год-два — явление совершенно новое в истории английской литературы — весь интерес английской художественной литературы сосредоточился на ее левом фланге, на путях к пролетариям» [Мирский 1934: 359]. В последующие два года, 1935-й и 1936-й, в том же журнале выходят еще две его статьи: «Джон Леман — шум истории» и «Послевоенные поэты» о Спендере и Дэй Льюисе. В 1936-м же году журнал опубликовал подборку из двух статей, посвященных современной английской поэзии, но уже написанных самими героями — молодыми английскими поэтами, Дэй Льюисом (отрывок из его книги «A Nore for Poetry») и Леманом (статья выполнена специально по заданию журнала).

В предисловии к антологии Мирский отзывается о молодых поэтах с приязнью, но гораздо более скептически, чем большинство советских критиков: «Оден, Дей-Льюис, Спендер — лучшие из числа поэтов-интеллигентов, которые враждебны капитализму и тянутся к революционному мировоззрению. Эта тяга, правда, часто не дает ощутимых творческих результатов, потому что они еще не освободились от декадентских влияний» [Мирский 1937: 22]. (В «Послевоенных поэтах» это противоречие парадоксалистски заостряется как противостояние революционных воззрений и «революционной» поэтической техники, свойственной скорее модернистам [Мирский 1936: 127].) Кроме того, он подчеркивает пагубное присутствие фрейдизма в их стихах. При этом траектория левых поэтов выстраивается как путь от «Новой страны» («New

---

13 Макдиармид написал письмо Мирскому.

Country», 1933) — одной из двух программных поэтических антологий 1930-х годов) или одинокого пути, как у Уорнер, к «Левому обозрению» («Left Review» — журнал, созданный под эгидой Коминтерна), консолидирующему левую поэзию и помогающему ей преодолевать декадентское влияние.

Мирский, как и его современники, особо отмечает Одена: упоминание имени поэта и просьбы прислать то или иное издание фигурируют в его письмах Голтон уже с декабря 1933 года [Smith 1996a: 104]. 18 января 1934 года он сообщает, что пишет сразу две статьи о поэте, однако на настоящий момент не известно ни одной. По-видимому, он считал перевод Одена и его товарищей своим индивидуальным проектом: в письме от 19 февраля 1934 года он просил Голтон объяснить поэту, что его путь к советскому читателю пролегает через него, Мирского («Вы должны попытаться объяснить им, насколько важно то, что о них думают здесь. А это во многом зависит от меня»¹⁴ [Ibid.: 107]). Вполне возможно, что он действительно выступил посредником между редакцией журнала «Интернациональная литература» и Леманом, Дэй Льюисом и Спендером, с которыми редакция переписывалась¹⁵, да и Радек должен был от кого-то узнать о поэтах из Оксфорда.

Размер подборки левых поэтов в «Антологии» явно соответствует оценке Мирским их эстетических качеств и места в поэзии. У «оксфордской группы» — четыре-девять стихотворений, у остальных — одно-три. Однако это не обязательно самые «революционные» стихи поэта. Если у Уорнер ключевое стихотворение — «Ред фронт», «одно из лучших революционных стихотворений последнего времени» [Мирский 1937: 444], а у Макдиармида — «Отрывок о Ленине»¹⁶, то Оден представлен совершенно не теми обличительно-сатирическими текстами, которые рутинно упоминают или цитируют рецензенты, как советские (например, Михаил Урнов в «Литературной газете»), так и Дэй Льюис и Леман. Его девять стихотворений в антологии весьма репрезентативны для поэтики раннего Одена: энигматичный стиль «Audenesque» («зашифрованность поэтической речи» [Мирский 1937: 23]), заброшенный индустриальный пейзаж и характерно оденовский лирический герой — странник, чужой тем местам, где ему случилось оказаться (см. об этом: [Ostrovskaya 2022]).

К этой части антологии переводы тоже заказывались специально. Задействованы были несколько разных переводчиков: ленинградцы Евгений Тарасов и Владимир Зуккау-Невский, москвичи Игорь Романович, Теодор Левит и Юлиан Анисимов и ссыльный Борис Лейтин, который, вероятно, в это время ненадолго приезжал в Москву из Архангельска [Любимов 2004; Соболев 2017]¹⁷. Любопытно, что вся левая подборка объединяется именем Игоря Романовича: он переводил девять из десяти поэтов, доля более обширные подборки: Дэй Льюиса и Спендера — с Анисимовым, Луиса Макниса — с Левитом, а Одена — с Тарасовым и Зуккау-Невским (Сильвию Таунсенд Уорнер перево-

14 «You must try an[d] explain to them, that it is highly important what they are thought about here. And that largely depends on me».

15 РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 577, 566, 604 соответственно.

16 Отрывок из «Первого гимна о Ленине» — стихотворения, посвященного самому Мирскому, но посвящение в текст «Антологии» не вошло.

17 Ср. в воспоминаниях Н.М. Любимова: «...с 1931-го по 36-й год он пребывал безотлучно в Архангельске. <...> Весной 36-го года он освободился и съездил ненадолго в Москву. <...> В ежовщину он вовремя унес ноги из Архангельска, и тут для него началась длительная полоса скитаний» [Любимов 2004: 169—170].

дили Левит и Лейтин). Непонятно, насколько наличие одного переводчика, объединяющего «левый фланг», было принципиальным решением составителя, однако сама фигура Романовича весьма показательна. Известно о нем не так много: он был молодым переводчиком, чья жизнь трагически оборвалась в сталинских лагерях, участвовал в Первом переводческом объединении Ивана Кашкина, работал в Государственной академии художественных наук, внес вклад в знаменитый коллективный перевод «Улисса», печатавшийся журналом «Интернациональная литература» в 1935 году¹⁸. В отличие от Валентина Стенича, Михаила Зенкевича или Сусанны Мар, он не имел поэтического прошлого, не входил в литературные объединения и не посещал, как Ада Оношковиц-Яцына, студию Лозинского и Гумилева. Иными словами, речь идет о профессиональном переводчике, не имевшем других амбиций, литературного прошлого и личных отношений с поэтами Серебряного века. В описываемый период он активно сотрудничал с Гослитиздатом: например, он же переводил тексты Лемана и Дэй-Льюиса для вышеупомянутой подборки в «Интернациональной литературе», работал редактором переводной литературы. Не удивительно, что именно ему досталось самое свежее стихотворение Одена «Dream», опубликованное в апрельском номере журнала «New Verse» за 1936 год.

Как проект формирования канона левой британской поэзии, антология во все не достигла цели. Изданная небольшим тиражом книга не положила начала традиции, левые поэты в основном пересмотрели свои взгляды, а предложенный Радеком проект мировой литературы нашел свой конец в чистках 1930-х годов, одной из жертв которых пал сам Радек. Когда в 1960—1970-е годы в СССР начинают жадно читать Одена, это уже американский Оден — другие стихи в других переводах и других антологиях. И в рамках этого нового канона антологии занимают свое законное место: он складывается из журнальных публикаций и подборок антологий Дживилегова и Зверева [Ostrovskaya 2018].

Заключение

Если одна из основных функций антологии — формировать канон и поддерживать непрерывность культуры, то «Антология новой английской поэзии» воплотила в себе символику и топику культурного разрыва, пришедшего на смену трагическим тридцатым с их имперскими амбициями и притязаниями на международную гегемонию. Несмотря на огромную эрудицию, блистательные теоретические построения на языке времени и немалые усилия Мирского, антология не создала канона. Как нам удалось показать, в случае с действительно популярным английским поэтом Редьярдом Кипплингом процесс канонизации шел совершенно независимо от антологии и подборка в ней — лишь выжимка из действительно популярного сборника стихов 1936 года. В двух других рассмотренных нами случаях — британских модернистов, в середине 1930-х годов уже имевших статус классиков, и поэтов десятилетия, британских левых — антология Мирского была поистине революционным событием, так как одновременно представляла творчество этих поэтов читателю и легити-

---

18 Основные источники информации о Романовиче — мемуарные заметки Екатерины Гениевой [Гениева 2007] и вдовы переводчика Елены Вержбловской [Вержбловская 2007].

мировала их присутствие в каноне. Однако резкая смена курса культурной политики привела к окончательной стигматизации модернизма и к охлаждению отношений с левыми поэтами с обеих сторон. От современной английской поэзии пришлось отказаться и довольствоваться классикой: Шекспиром, Байроном, Бернсом. Антология попадает в канон в тот момент, когда само его существование снова становится актуальным, например когда составители антологии 1984 года в той или иной мере ориентируются на ее подборки и переводы, делая собственный выбор (ср. работы Смита о возвращении перевода Полонской в канон Киплинга [Smith 1995: 494], Рейнгольд о переводах Лоуренса [Reinhold 2007: 189], Кийза о переводах Йейтса [Кийз 2009] и др.). В этом смысле живой и скептический отзыв Бродского в большей степени способствует включению книги в канон, чем мемориальное переиздание 2000 года.

Немаловажно, что в контексте «антологического импульса» 1930-х годов появлялись антологии и организованные совсем по другому принципу: в 1942 году А.И. Старцев подготовил антологию, известную нам по рецензии и статье Бориса Пастернака [Пастернак 2004]: «В основу собрания положен запас лучших русских переводов на полтора-два лет... без заботы о том, лучшим ли удачам английского гения соответствуют эти лучшие свидетельства русского. <...> Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием» [Там же: 51]. Впоследствии эта линия — от переводчика, а не от поэта — активно разрабатывалась, в первую очередь Ефимом Эткиндром и породила столь знаковое издание, как «Мастера поэтического перевода». Она была тесно связана с важной концепцией истории перевода в СССР, сформулированной Эткиндром, и приведшей к знаменитому «делу о предложении»: в СССР поэты, «лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбелиани, Шекспира и Гюго» [Эткинд 1977: 184]. Мирский, как мы видели, исходил из обратных предпосылок. Вне зависимости от того, насколько всерьез он относился к идеологическому обрамлению «великого культурного дела критического освоения мировых классиков» (ср.: [Богомолов 2013: 70, 75, 85]), в антологии он мыслил свою задачу как ознакомление советского читателя с тем кругом явлений, который представляла собой современная британская поэзия, а не с «лучшими свидетельствами» русского переводческого гения.

Как и любая антология с таким обширным коллективом участников, «Антология новой английской поэзии» может быть прочитана на разных уровнях. С одной стороны, она отличается концептуальным единством: в ней отразилось представление Мирского о поэтах и их наиболее важных текстах, а эволюция английской поэзии от английских романтиков и до левых поэтов 1930-х годов представлена в предисловии и биографических заметках со свойственным Мирскому этого времени марксистским социологизмом. С другой стороны, несводимость социоантропологического разнообразия двадцати пяти участников антологии к идеальному образу поэта-переводчика, который у Чертова представлен единственным именем — отсутствующей в издании Ахматовой, ставит перед исследователями задачу более детального исторического описания обстоятельств и подходов каждого из них, только намеченного в настоящей статье.

Библиография / References

- [Богомолов 2013] — *Богомолов Н.А.* Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М.А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона) // Русская литература. 2013. № 3. С. 44—86.
- (*Bogomolov N.A.* Iz istorii perevodcheskogo remesla v 1930-e gody (M.A. Kuzmin v rabote nad "Don Zhuanom" Bayrona) // Russkaya literatura. 2013. № 3. P. 44—86.)
- [Бродский 2001] — *Бродский И.* Поклониться тени / Пер. А. Касаткиной // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. Т. V. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 256—274.
- (*Brodsky I.* To Please a Shadow // Brodsky I. Sochineniya Iosifa Brodskogo: In 7 vols. Vol. V. Saint Petersburg, 2001. P. 256—274. — In Russ.)
- [Вержбловская 2007] — *Вержбловская Е.* Дорогой Блинец; «Меня опять вели на допрос...» // Джойс Д. Дублинцы / Сост. Е.Ю. Гениева. М.: Вагриус, 2007. С. 291—300.
- (*Verzhblvskaya E.* Dorogoy Bliznets; "Menya opyat' veli na dopros..." // Dzhojs D. Dublincy / Comp. by E.Ju. Genieva. Moscow, 2007. P. 291—300.)
- [Витковский 1998] — *Витковский Е.* Империя по имени Редъярд Киплинг // Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы / Пер. Е. Витковский и др. М.: Рипол-классик, 1998. С. 5—20.
- (*Vitkovskiy E.* Imperiya po imeni Red'yard Kipling // Kipling R. Stikhotvoreniya. Roman. Rasskazy. Moscow, 1998. P. 5—20.)
- [Витковский б.г.] — *Витковский Е.* Михаил Гутнер // Век перевода (<https://www.vekperevoda.com/1900/mgutner.htm> (дата обращения: 26.11.2020)).
- (*Vitkovskiy E.* Mikhail Gutner // Vek perevoda. (<https://www.vekperevoda.com/1900/mgutner.htm> (accessed: 26.11.2020)).)
- [Волков 2000] — *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000.
- (*Volkov S.* Conversations with Joseph Brodsky. Moscow, 2000. — In Russ.)
- [Антология 1984] — Английская поэзия в русских переводах. XX век / Ред. Л.М Аринштейн, Н.К. Сидорина и др. М.: Радуга, 1984.
- (*Angliyskaya poeziya v russkikh perevodakh. XX vek* / Ed. by L.M Arinshitejn, N.K. Sidorina et al. Moscow, 1984.)
- [Гениева 2007] — *Гениева Е.Ю.* Цена радости // Джойс Д. Дублинцы / Сост. Е.Ю. Гениева. М.: Вагриус, 2007. С. 11—38.
- (*Geniyeva E.Yu.* Tsena radosti // Dzhojs D. Dublincy / Comp. by E.Ju. Genieva. Moscow, 2007. P. 11—38.)
- [Ефимов 2014] — *Ефимов М.* Мирский как советский критик: стратегия/трагедия двусмысленности // Политика литературы — поэтика власти: Сб. статей / Под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 214—226.
- (*Efimov M.* Mirskiy kak sovetskiy kritik: strategiya/tragediya dvusmyslennosti: Coll. of art. // Politika literatury — poetika vlasti / Ed. by G. Obatnin, B. Hellman, T. Huttunen. Moscow, 2014. P. 214—226.)
- [Ефимов 2021] — *Ефимов М.В.* Доклад Д.П. Святополк-Мирского «Пушкин как переводчик английских поэтов» // Художественно-филологический перевод 1920—1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 608—629.
- (*Efimov M.* Doklad D.P. Svyatopolk-Mirskogo "Pushkin kak perevodchik angliyskikh poetov" // Khudozhestvenno-filologicheskij perevod 1920—1930-kh godov / Comp. by M.Je. Baskina. Saint Petersburg, 2021. P. 608—629.)
- [Ефимов, Смит 2021] — *Ефимов М., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021.
- (*Efimov M., Smith G.* Svyatopolk-Mirsky. Moscow, 2021.)
- [Казнина 2007] — *Казнина О.А.* Святополк-Мирский // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь: В 7 т. / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- (*Kaznina O.A.* Svyatopolk-Mirskiy // Russkie pisateli 1800—1917. Biograficheskij slovar': In 7 vols. / Ed. by P.A. Nikolaev. Vol. 5. Moscow, 2007.)
- [Кийз 2009] — *Кийз Р.* Незамеченный символ: У.Б. Йейтс и Россия // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 303—316.
- (*Keys R.* Nezamechenny simvolist: U.B. Yeats i Rossiya // Na rubezhe dvukh stoletiy. Sbornik v chest' 60-letiya A.V. Lavrova. Moscow, 2009. P. 303—316.)
- [Коростелев, Ефимов 2014] — *Коростелев О.А., Ефимов М.В.* Примечания // Мирский Д. О литературе и искусстве. Статьи и рецен-

- зии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 372—527.
- (*Korostelev O.A., Yefimov M.V.* Primechaniya // *Mirskiy D.* O literature i iskusstve. Stat'i i retsenzi 1922—1937. Moscow, 2014. P. 372—527.)
- [Любимов 2004] — *Любимов Н.М.* Неувядаемый цвет: В 2 т. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- (*Lyubimov N.M.* Neuvyadaemyy tsvet: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2004.)
- [Миллер-Будницкая 1936] — *Миллер-Будницкая Р.* Поэзия Редьярда Киплинга // Киплинг Р. Избранные стихи / Пер. с англ. под ред. В. Стенича. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 3—28.
- (*Miller-Budnitskaya R.* Poeziya Red'yarda Kiplinga // Kipling R. Izbrannyye stihy / Ed. by V. Stenich. Leningrad, 1936. P. 3—28.)
- [Мирский 1933] — *Мирский Д.* Из современной английской литературы (О Т.С. Элиоте) // Красная новь. 1933. № 3. С. 213—223.
- (*Mirskiy D.* Iz sovremennoy angliyskoy literatury (O T.S. Eliote) // *Krasnaya nov'*. 1933. № 3. P. 213—223.)
- [Мирский 1934] — *Мирский Д.* Английская литература и капитализм // Интернациональная литература. 1934. № 3—4. С. 353—359.
- (*Mirskiy D.* Angliyskaya literatura i kapitalizm // *International'naya literatura.* 1934. № 3—4. P. 353—359.)
- [Мирский 1935] — *Мирский Дм.* Поэзия Редьярда Киплинга // Знамя. 1935. № 10. С. 242—256.
- (*Mirskiy Dm.* Poeziya Red'yarda Kiplinga // *Znamya.* 1935. № 10. P. 242—256.)
- [Мирский 1936] — *Мирский Д.* Послевоенные поэты Англии // Интернациональная литература. 1936. № 10. С. 127—135.
- (*Mirskiy D.* Poslevoynennyye poety Anglii // *International'naya literatura.* 1936. № 10. P. 127—135.)
- [Мирский 1937] — *Гутнер М.* [Мирский Д.] Английская поэзия с середины XIX века; Комментарии // Антология новой английской поэзии. Л.: ГИХЛ, 1937. С. 3—24; 427—446.
- (*Gutner M.* [Mirskiy D.] Angliyskaya poeziya s serediny XIX veka; Kommentarii // *Antologiya novoy angliyskoy poezii.* Leningrad, 1937. P. 3—24; 427—446.)
- [Мунблит 1968] — *Мунблит Г.* Рассказы о писателях. М.: Советский писатель, 1968.
- (*Munblit G.* Rasskazy o pisatelyakh. Moscow, 1968.)
- [Пастернак 2004] — *Пастернак Б.Л.* Антология английской поэзии (отзыв); Заметки переводчика // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: Слово, 2004. Т. V. С. 358—361; 51—54.
- (*Pasternak B.L.* Antologiya angliyskoy poezii (otzyv); Zametki perevodchika // *Pasternak B.L.* Polnoye sobranie sochineniy: In 11 vols. Moscow, 2004. Vol. V. P. 358—361; 51—54.)
- [Перхин 1996] — *Перхин В.В.* Одиннадцать писем (1920—1937) и автобиография (1936) Д.П. Святополк-Мирского // Русская литература. 1996. № 1. С. 235—262.
- (*Perkhin V.V.* Odinnadtsat' pism (1920—1937) i avtobiografiya (1936) D.P. Svyatopolk-Mirskogo // *Russkaya literatura.* 1996. № 1. P. 235—262.)
- [Прокофьев 1934] — *Прокофьев А.* [Выступление] // Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 569—570.
- (*Prokof'yev A.* [Vystuplenie] // *Pervyy vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley.* Moscow, 1934. P. 569—570.)
- [Соболев 2017] — *Соболев А.Л.* Летеysкая библиотека — 79 (<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/244237.html> (дата обращения: 26.11.2020)).
- (*Sobolev A.L.* Leteyskaya biblioteka — 79 (<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/244237.html> (accessed: 26.11.2020)).)
- [Чуковский 1909] — *Чуковский К.* Апостолы трусости // Речь. 1909. 31 мая.
- (*Chukovskiy K.* Apostoly trusosti. Rech'. 1909. May 31.)
- [Ушакова 2016] — *Ушакова О.М.* Т.С. Элиот как идеологический казус // Литература и идеология. Век двадцатый. Вып. 3. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 258—266.
- (*Ushakova O.M.* T.S. Eliot kak ideologicheskyy kazus // *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatyy.* Iss. 3. Moscow, 2016. P. 258—266.)
- [Флейшман 2006] — *Флейшман Л.* Из пастернаковской переписки [Святополк-Мирский] // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 668—676.
- (*Fleyshman L.* Iz pasternakovskoy perepiski [Svyatopolk-Mirskiy] // *Fleyshman L.* Ot Pushkina k Pasternaku: izbrannyye raboty po poetike i istorii russkoy literatury. Moscow, 2006. P. 668—676.)
- [Эткинд 1977] — *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977.
- (*Etkind E.* Zapiski nezagovorshika. London, 1977)
- [Cornwell 1992] — *Cornwell N.* James Joyce and the Russians. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; London: The Macmillan Press Ltd, 1992.
- [Hodgson 1998] — *Hodgson K.* The Poetry of Rudyard Kipling in Soviet Russia // *Modern Language Review.* 1998. Vol. 93. № 4. P. 1058—1071.

- [Mackay 2004] — *Mackay A. [Renfrew A.] MacDiarmid and Russia Revisited // Beyond Scotland: New Contexts for Twentieth-century Scottish Literature / Ed. by G. Carruthers, D. Goldie, A. Renfrew. Amsterdam; New York: Rodopi, 2004. 59—94.*
- [Ostrovskaya 2018] — *Ostrovskaya E. Poetic Translation and the Canon: The Case of Russian Auden // Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity / Ed. by B. Baer, S. Witt. Routledge, 2018. P. 292—305.*
- [Ostrovskaya 2022] — *Ostrovskaya E. W.H. Auden and Translation in the USSR of the 1930s: From the Soviet Press to An Anthology of New English Poetry // Slavic and East European Journal. 2022. Vol. 66. № 1. P. 62—80. (in print)*
- [Reinhold 2007] — *Reinhold N. Russian Culture and the Work of D.H. Lawrence: An Eighty-year Long Appropriation // The Reception of D.H. Lawrence in Europe / Ed. by D. Mehl, C. Jansohn. London: A&C Black, 2007. P. 187—198.*
- [Safiullina 2012] — *Safiullina N. The Canonization of Western Writers in the Soviet Union in the 1930s // The Modern Language Review. 2012. Vol. 107. № 2. P. 559—584.*
- [Smith 1991] — *Smith B. Contingencies of Value: Alternative Perspectives for Critical Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.*
- [Smith 1995] — *Smith G.S. D.S. Mirsky: Two Letters to Elizaveta Polonskaia (1935, 1936) on Translating Kipling and Christina Rossetti // The Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. № 3. P. 490—498.*
- [Smith 1996a] — *Smith G.S. D.S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty letters from Moscow (1932—1937) // Oxford Slavonic Papers. New series. 1996. Vol. 29. P. 93—131.*
- [Smith 1996b] — *Smith G.S. D.S. Mirskii and Hugh MacDiarmid: A relationship and an exchange of letters (1934) // Slavonica. 1996/1997. Vol. III. № 2. P. 283—293.*
- [Smith 2000] — *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890—1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.*
- [Tall 2009] — *Tall E. The Reception of James Joyce in Russia // The Reception of James Joyce in Europe / Ed. by G. Lernout; W. Van Mierlo. London; New York: Thoemmes Continuum, 2009. P. 244—257.*
- [Venuti 2008] — *Venuti L. Translation, Interpretation, Canon Formation // Translation and the Classic: Identity as Change in the History of Culture / Ed. by Lianeri A., V. Zajko. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27—50.*
- [Witt 2011] — *Witt S. Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR // Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary translation in Eastern Europe and Russia / Ed. by B. Baer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 149—170.*